

Февраль, № 1

История

2014

УДК 94(470)“19/...”

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ БЛЫШКОаспирант кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dblyshko@gmail.com**ЧЕЛОВЕК ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДРУГОГО
(по материалам Рунета)***

На основе анализа обсуждений советского прошлого в социальных сетях Рунета ставится вопрос о прагматике репрезентации советского человека в постсоветской коллективной памяти. На материале развернутых нарративов и обсуждений рассматривается способ конструирования этого образа. Выделяются основные темы, по которым противопоставляются советский и постсоветский человек: здоровье, образование, профессионализм, следование букве закона, альтруизм, отношение к деньгам, к другим народам, свободы. Прагматика репрезентации советского человека заключается в использовании его образа в конструировании идентичности нарратора.

Ключевые слова: советский человек, репрезентация, постсоветская идентичность

И. Калинин и К. Келли, делая обзор исследований современной российской культурной памяти, отмечают засилье в работах концепции ностальгии, указывая, что неправомерно одним термином описывать весь спектр воспоминаний о советском прошлом [4]. Попытки представить репрезентацию советского прошлого в рамках одной модели – ностальгии [1], травмы коллективной памяти [4], [5], коммерциализации [9] или меланхолии, представляются неплодотворными. Рассмотрение отдельных аспектов памяти позволит, на мой взгляд, точнее понять феномен в целом, не сводя его к самым общим клише.

В рамках конструктивистского подхода проблема соотношения исторической реальности и ее репрезентации отходит на второй план. На первое же место – вопрос взаимовлияния современности и представлений о прошлом. Интересно было бы выяснить прагматику репрезентации советского прошлого в произведениях массовой культуры и в повседневной коммуникации.

В современных исследованиях внимание уделяется таким темам воспоминаний о советском, как: изменения в потребительской сфере, исчезновение одних вещей, символов и появление других [3]. Интерес к вещам связывается с важностью осмысливаемой разницы между состояниями ребенка и взрослого. С точки зрения других авторов [5], их респонденты испытывают жалость об утрате социальных и политических характеристик советского общества (порядок, трудовая дисциплина, социальные гарантии государства и пр.). В рамках теории травмы коллективной памяти [5] прагматика воспоминаний представляется в предотвращении забвения преступлений советской власти. Исследования, направленные на выявление прагматики нарративов о советском прошлом, несмотря на разницу подходов, объединены общей установкой: современная репрезентация советского прошлого постулирует явно или

подразумевает имплицитно противопоставление советского и постсоветского. Именно результат сравнения двух эпох, который предстает как «зазор», и является операционализируемым содержанием исторического описания.

В статье рассматривается противопоставление образов советского и постсоветского человека. Человек как категория осмысления выбран потому, что многие воспоминания имеют «антропологическую» направленность: они обращены преимущественно к повседневности, к реалиям жизни «простого» человека. Образ советского человека будет рассматриваться на примере положительных его трактовок, так как позитивная трактовка данного образа преобладает над негативной в исследуемых источниках.

Репрезентация советского человека рассматривается на материале обсуждений прошлого в 27 сообществах социальных сетей Рунета (коллективных блогов и сети «ВКонтакте»), а также на материалах 9 личных блогов, затрагивающих эту тематику. Тематические сообщества выступают аккумулятором воспоминаний, сплачивающих пользователей со схожим отношением к советскому прошлому и желающих артикулировать это отношение. Рассматриваются только самые крупные сообщества (от 5 тысяч до 20 тысяч участников), в названии которых содержатся такие указания на тематику группы, как: «Наша Родина – СССР»¹, «Советский Союз»², «Музей “20-й век”»³ и др. Наряду с развернутыми описаниями прошлого в статье рассматриваются и их коллективные обсуждения внутри сообществ. Тогда как создание развернутого нарратива требует от автора значительных затрат времени и сил, большинство участников общения охотнее участвуют в обсуждении чужих текстов, чем создают свои.

Описание советского человека в современных обсуждениях прошлого в социальных сетях очень близко повторяет образ, составленный

в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Можно предположить, что это является следствием тиражирования данного образа в советских медиа, которое повлияло как на людей, живших в СССР, так и на тех, чье знакомство с советским обществом опосредовано произведениями массовой культуры. Из современного образа советского человека ушли на второй план такие черты, как преданность делу коммунизма, которую заменили более абстрактные «идеалы и высокая цель в жизни», и нетерпимость к врагам коммунизма, т. е. наиболее идеологически нагруженные пункты⁴. К моральным качествам строителя коммунизма в современных описаниях добавляются указания на физическое здоровье и высокий уровень образования,ственные советскому человеку⁵.

Важным для рассказчиков оказывается создать положительный образ Другого – советского человека. «Другим» он может быть назван потому, что противопоставляется современному человеку по ряду параметров: здоровье, образование, профессионализм, следование букве закона, альтруизм, отношение к деньгам, к другим народам, свобода и пр. Советский человек находится на полюсе «правильного поведения», а постсоветский – на противоположном. Это совпадает с интерпретацией Ф. Р. Анкерсмитом [2] смысла ностальгии о прошлом: наиболее важным в таких текстах оказывается нежелание субъекта находиться там и тогда, где и когда он находится в настоящий момент. Можно добавить, что он не хочет еще и быть тем, кем он является сейчас. Противопоставление современного общества образу советского человека позволяет рассказчикам показать, что конкретно им не нравится в образе современного человека.

Третьим образом в нарративах о советском прошлом выступает образ самого рассказчика. Сформулировав свое отношение к современным людям и противопоставив им советского человека, авторы репрезентации прошлого выбирают одну из двух стратегий конструирования собственной идентичности в этом пространстве: 1) полное или частичное ассоциирование себя с советским человеком; 2) акцент внимания на советское как на альтернативу современному.

Под полным ассоциированием себя с советским человеком понимается ситуация, когда автор, указывая на положительные черты советского человека, говорит о том, что сам он остается советским по духу, и значит, ему свойственны те же черты. Например, О. С. инициировала в тематической группе обсуждение вопроса о том, кто еще считает себя советским человеком. Здесь важно указать на позицию О. С., считающей, что «этот опрос для всех, даже для тех, кто родился после 93 года». Из этого обсуждения видно, что советским человеком может себя считать и тот, кто не жил в СССР, а значит, основное содержа-

ние этого понятия – набор определенных человеческих черт. Под частичным ассоциированием себя с советским человеком понимается стратегия включения образа предка в собственную идентичность по примордиалистскому сценарию. В таком случае постсоветский человек, сохранив осознание себя как современного человека, приписывает себе черты советского человека опосредованно, через факт родства с ним. Этот способ конструирования идентичности был показан, например, В. А Касамарой и А. А. Сорокиной [5]. Они продемонстрировали на материале проведенных опросов, что современный россиянин ассоциирует себя с советским человеком, встраивая в образ современной России такие характеристики советского общества, как военная и политическая мощь, высокий производственный потенциал. Однако желание ассоциировать себя с былым величием страны совершенно не предполагает желание информантов возрождать Советский Союз. Сожаление о невозвратимой утрате прошлого сочетается обычно с ориентацией на сегодняшние интересы и желанием строить свою жизнь в соответствии с новыми условиями [7].

На материале воспоминаний, размещенных в Рунете, можно дополнить картину конструирования примордиалистской идентичности, предложенную В. А. Касамарой и А. А. Сорокиной: человек часто стремится изменить свой образ за счет исторического ресурса не столько в «политическом» ракурсе, сколько в плане моральных качеств, желании сохранить «советские» представления о добре, зле и справедливости. Неприятие современного общества подразумевает желание избавить себя от ощущения присутствия в нем, поэтому практика регулярной репрезентации позднего социализма может подразумевать функцию эскализма. Но сами авторы не говорят о желании максимально сократить контакты с современным обществом. Скорее, они желают исправить современное общественное представление о советском обществе, если считают его неправильным, потому что неверная репрезентация наносит вред их собственному образу.

Вторым способом использования фигуры Другого (советского человека) является поиск альтернативы современному образу жизни, не подразумевающей идентификации себя с человеком прошлого. Пользователи, как имеющие, так и не имеющие собственного опыта жизни в СССР, видят в конструируемой картине прошлого альтернативу современному обществу. Они подчеркивают, что сегодня российское общество ориентируется на западные образцы морали и поведения. Это создает ощущение ценностной гомогенности мира, определить свое место в котором для них становится невозможно. Пользователь ex_vonnaz94 подчеркивает, что «у многих людей, не видевших совка, сложилось

ощущение, что то, что сейчас, – это единственно возможный вариант, что жить в либеральной помойке – это естественно и закономерно. Вопрос не в том, плох совок или нет, он другой, а значит, ДРУГОЕ возможно в принципе⁶. В указанной цитате не говорится о том, что автор претендует на приписывание себе позитивных черт советского человека, или о том, что он предлагает вовлечь советский проект в жизнь. Для него оказывается важным просто знать, что существует альтернатива современному образу жизни, что создает некую систему координат, в которой он может лучше понять свое место.

Погружение постсоветского человека в воспоминания при такой трактовке становится похожим на путешествие этнографа Нового времени в страну «благородных дикарей». Как на долю XVII века выпало определение места «дикаря» среди других народов и культур, одновременно с которым европеец определял и свое место в мире, соотнося себя с этим Другим [8], так и на долю человека постсоветского выпала необходимость поиска Другого не в иных странах, а в своем прошлом. При такой интерпретации конструирование образа советского человека перестает выглядеть как попытка уйти от реальности или желание возвысить себя за счет освоения в символической форме чужих достижений. Основной целью восприятия и изучения в таком случае становится сам субъект познания, который ищет смысл существования [8], растворяющийся не в открывшемся многообразии мировой культуры, как было в Новое время, а наоборот, теряющийся в сужающемся спектре альтернатив современности. Сравнение современного общества с советским позволяет вывести современное бытие из категории единственного возможного и единственного в категорию одного из возможных способов существования. В таком случае размышления о роли денег, например, перестают выглядеть только ламентацией об утраченной чистоте человеческих отношений. Особо подчеркивается, «что без денег никуда – это не оправдание. В советское время деньги были тоже важны, но оставалось место для настоящей дружбы, бескорыстной взаимной помощи, для любви, наконец!». Сравнение современной роли денег с ролью денег в советском прошлом позволяет респондентам увидеть самим и показать другим пользователям, что есть альтернативы современному «западному» отношению к материальному.

Обращение к Другому может рассматриваться еще и как попытка найти опору для конструирования собственной идентичности человеком, который испытывает потребность отделить себя от современного, неприятного ему общества, но при этом не соотносящего себя с объектом познания. Используя схему, предложенную М. де Серто [10] для описания этнографических текстов, можно заключить, что рассказчик, совершая

путешествие из «своего» мира в мир «чужого», сталкивается с фигурой Другого. Первоначальное противопоставление своего и чужого в этот момент изменяется: автор обнаруживает в себе положительные черты, не присущие его родному обществу, но присущие Другому. В тот же момент он осознает негативные черты своего «цивилизованного» общества как чужие, ему лично не присущие, или неприятные.

Так и постсоветский человек, проживая в современном обществе, соответствует его требованиям на уровне повседневных практик. Но, обращаясь к образу Другого (советского человека), он понимает, что их роднят общие ценности, представления о том, как должно быть устроено общество. При этом создатели текстов о прошлом далеко не всегда стремятся показать, что они и на уровне повседневных практик готовы претворять в жизнь иную модель поведения. Речь идет только о том, чтобы на уровне риторики выразить свою приверженность иной ценностной схеме. Этого достаточно для того, чтобы идентичность человека изменилась. После символического путешествия и встречи с советским благородным дикарем постсоветский человек возвращается в современность, обладая знанием о том, что можно жить иначе. И у него появляется возможность противопоставить себя современному обществу, показывая, что на уровне если не практик, то ценностей он не принадлежит этому миру, а находится между фигурами Чужого Своего (человека постсоветского) и Своего Чужого (советского человека): «Я мечтаю хотя бы на один день очутиться в старой России, в СССР... Все было легко и поверхностно, не нужно было скрывать любовь за бесконечными интригами, благим матом и изменениями, все было на виду и очень просто. <...> Сейчас все по-другому, люди озлобели, одичали, стали гнаться и интересоваться только деньгами, компьютерами с Интернетом, сексом и прочими развлечениями. Где эта милая романтика? Красивые балы? <...> И почему-то всегда получается так, что, когда я смотрю фильм, будь то “Белый Бим Черное ухо” или “Бриллиантовая рука”, – я плачу, потому что вижу совершенно других людей, другое время, другие ценности. Все было по-другому. Я как будто бы на несколько часов окунайся в тот мир и чувствуешь его полностью. Но другая моя половина просто уже понимает, что сейчас такого уже нет...»⁷ (М. Ж.).

Автор данного сопоставления современности и прошлого не оговаривает вопрос о следовании «старым ценностям». Но признание их как важных позволяет ей несколько иначе строить свой собственный образ. Поэтому процедура рассказывания о периоде позднего социализма становится путем к изменению репрезентации рассказчика. Таким образом, прагматика репрезентации советского человека заключается в использовании его в конструировании идентичности нарратора.

*Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Наша Родина – СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blogs.privet.ru/community/sssr_lenin_060
- ² Советский Союз [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/sov_union
- ³ Музей «20-й век». Назад в СССР. Режим доступа: <http://20th.su/2011/10/06/zapaslivost-sovetskix-lyudej/#more-5201>
- ⁴ Наша Родина СССР. 1945–2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-9771_20958947?post=23499;Rожденный в СССР – ностальгия по надежде!!! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-15862424_22226207?offset=20
- ⁵ Босоногое.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bosonogoe.ru/blog/1467.html>; Вернемся на время в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-1977815_16082591; Хочу в СССР! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsssr.com/blogs/21>
- ⁶ G e g m a n u s h . Воспоминания о совке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://germanych.livejournal.com/33434.html>
- ⁷ Рожденные в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-9516744_24866326

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б р а м о в Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
2. А н к е р с м и т Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Ка-таева. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. Г а л и н а М. Ностальгия в сети // Знамя. 2008. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/1/ga18.html>
4. К а л и н и н И., К е л л и К. Советская память / память о советском // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1.html>
5. К а с а м а р а В. А., С о р о к и н а А. А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 18–31.
6. Л а н к а у с к а с Г. Выжить в Бункере: ностальгическая память о социализме в Литве // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/la20-pr.html>
7. Л е в а д а Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6 (62). С. 7–13.
8. Ф е д и н А. В. Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 65–93.
9. H o l a k S. L., M a t v e e v A. V., H a v l e n a W. J. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy // Journal of Business Research. 2007. № 60 (6). P. 649–655.
10. C e r t e a u M i c h e l d e . The Writing of History / Translated by Tom Conley. Columbia University Press, 1988.

Blyshko D. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PERSON OF LATE SOCIALISM: IMAGE CONSTRUCTION (ON MATERIALS OF RUNET)

The article deals with the problem of pragmatics in representing a person of Late Socialism in the post-Soviet collective memory. The research is based on multiple narrations about the Soviet past collectively discussed on the sites of Russian-speaking social networks. The main characteristic features helping to compare images of the Soviet and the post-Soviet person are highlighted: health care, education, professionalism, law abidance, altruism, freedom, attitude toward money and other nations. The paper argues that the image of the Soviet person is used primarily as a resource material instrumental in narrator's identity construction.

Key words: Soviet person, representation, post-Soviet identity

REFERENCES

1. А б р а м о в Р. Н. Time and space of nostalgia [Vremya i prostranstvo nostal'gii]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Journal of Sociology]. 2012. № 4. P. 5–23.
2. А н к е р с м и т Ф. Р. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and tropology. The rise and fall of metaphor] / Per. s angl. М. Кукартсева, Е. Коломоets, В. Катаева. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003.
3. Г а л и н а М. Nostalgia in Internet [Nostal'giya v seti]. *Znamya* [Standard]. 2008. № 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/1/ga18.html>
4. К а л и н и н И., К е л л и К. Soviet memory / memory of the Soviet [Sovetskaya pamyat' / pamyat' o sovetskem]. *Neprikosnovenny zapas* [Debates on Politics and Culture]. 2009. № 2 (64). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1.html>
5. К а с а м а р а В. А., С о р о к и н а А. А. Postsoviet nostalgia in everyday discourse of Russians [Postsovetskaya nostal'giya v povsednevnom diskurse rossiyan]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2011. № 6. P. 18–31.
6. Л а н к а у с к а с Г. Survive in a bunker: not a nostalgic memory of socialism in Lithuania [Vyzhit' v Bunkere: nenostal'gicheskaya pamyat' o sotsializme v Litve]. *Neprikosnovenny zapas* [Debates on Politics and Culture]. 2011. № 6 (80). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/la20-pr.html>
7. Л е в а д а Ju. A. “Nostalgic person”: Realities and Challenges [“Chelovek nostal'gicheskiy”: realii i problemy]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2002. № 6 (62). P. 7–13.
8. Ф е д и н А. В. The idea of the “noble savage” in the “Jesuit relational” of XVII century [Ideya “blagorodnogo dikarya” v “iezuitskikh relyatsiyakh” XVII v.]. *Dialog so vremenem* [Dialog with time]. 2010. № 32. P. 65–93.
9. H o l a k S. L., M a t v e e v A. V., H a v l e n a W. J. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy // Journal of Business Research. 2007. № 60 (6). P. 649–655.
10. C e r t e a u M i c h e l d e . The Writing of History / Translated by Tom Conley. Columbia University Press, 1988.